

ISSN 0131-5587

ПРОСТОР

11' 2008

Дмитрий Снегин

ВЕНОК АБАЕВСКИХ СОНЕТОВ

Бахытжан Канапьянов

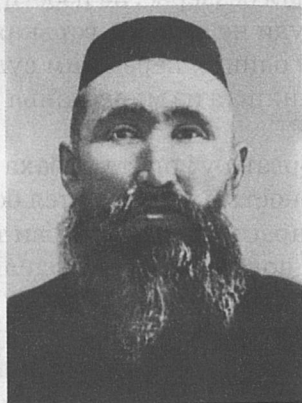
ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ ПОЭТА

К 150-летию Шакарима Кудайбердыева

Константин Гайворонский

ПРОСТРАНСТВО И БРЕМЯ

К 150-летию Шакарима Кудайбердыева

Бахытжан Канапьянов

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ ПОЭТА

Фрагменты повести

Блаженство моих безгорестных дней,
 Блаженство моих беспечальных ночей,
 Пользы от вас никакой.
 Шесть десятков мои отсчитали года,
 И уже голова моя стала седа,
 Где найду я покой?

ШАКАРИМ*

Степью несется табун лошадей.
 Крупы друг друга теснящих коней.
 Брызги горной речки, поднимаемые копытами.
 Жеребенок, отстав от табуна, пронзительно ржет, зовет кобылицу.
 Устало падает в запруду, разрушая свое же отражение.
 Оглянувшись, мать-кобылица пропускает мимо табун и ржаньем от-
 вечает на зов своего жеребенка.

Слышу голос поэта:

– За семьдесят два года жизни я пережил множество различных – хороших и плохих – событий. В большинстве из них принимал личное участие, были среди них и приятные и не очень желательные. Как говорят в ауле Абая, «хорошо, когда есть кому следовать в добрых делах».

*Переводы стихов Б. Канапьянова.

Передо мной всегда встает образ покойного поэта и учителя. Беря с него пример, я решил избрать путь честности и справедливости. Рано отрекся от всевозможных ненужных дрязг, встал на путь приобретения знаний. Учился у жизни...

...Жеребенок пытается встать на дрожащие ноги. Кони бродят в тумане. По степи катится эбелек – перекаати-поле. Клонится шар солнца за горизонт, очертания юрт, вечерующий аул. На месте бывшего очага – костер, пляшущие языки пламени.

Вновь знакомый голос:

– ...много искал, много читал писателей и ученых, знакомился с их мыслями и взглядами, а некоторых знал лично. Все это я говорю не ради возвеличивания себя или же хвастовства. Мне уже более семидесяти, хотя мысли еще не состарились, но одряхлело тело. Ослабевшее тело отказывается быть вместилищем моих мыслей, то, что считается неосуществимой фантастикой при здравом осмыслении или глубоком изучении, может обернуться будущим. Ибо немало понятий, считавшихся ранее пустой фантазией и неосуществленной мечтой, ныне стали реальностью, разве можем мы отрицать это? Конечно, мечты тоже имеют свои пределы. То, о чем я хочу поведать, не является голой фантазией, а вполне осуществимой мечтой.

Как можно улучшить жизнь людей?..

* **

В 1928-30 годах хлебные северо-восточные районы Казахстана поразил неурожай, а в зиму 1929-30 года джут сковал ледяным панцирем степи.

План же поставок хлеба был определен в одиннадцать миллионов центнеров, что превышало реальные возможности почти на треть. Ориентировка на чрезвычайные меры хлебопоставок взвинтила обстановку в республике. В аулы были направлены около 5000 уполномоченных из краевых и окружных органов с самыми суровыми инструкциями и огромными правами. Жесткость и неразборчивость в средствах стала основной линией их поведения. Основная тяжесть по хлебозаготовкам пала на середняка и бедняка. Хлеб у многих из них был вычищен подчистую, до последнего зернышка.

Самым преступным было то, что обязательным планом хлебопоставок облагались казахские кочевые хозяйства, вообще не имевшие посевов. Они вынуждены были продавать свой скот и покупать зерно для поставок. Еще более тяжелое положение сложилось в последующие годы. Пресс чрезвычайных мер продолжал усиливаться. Такие действия вызывали справедливое возмущение народа. Эту ситуацию усугубляли неумелые, а иногда и преступные действия представителей государственных органов. Сознательно или бессознательно, они провоцировали обострение борьбы в сельской местности...

В зиму 1930-31 года на места стали поступать новые грозные указания заготовить хлеб «во что бы то ни стало».

На февральском (1931 года) пленуме Казкрайкома ВКП (б) первый секретарь крайкома Голощекин говорил: «Мы имеем в настоящую хлебозаготовительную кампанию новое явление – это боязнь перегибов. Под этой боязнью перегибов скрывается чистейший оппортунизм...»

...Как преодолеть этот «оппортунизм», было указано в телеграмме: «Окружкомы обязаны обеспечить полное выполнение плана без трусости за ответственность».

Это вновь «развязало» руки местным органам в применении чрезвычайных мер по отношению к населению. Казахстан стоял на пороге катастрофы – массового голода.

* **

Книжные полки. Пламя свечи на два-три мгновения выхватывает портреты на книгах, изданных в конце XIX – на чале XX веков, – Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Байрона, Канта, Шопенгауэра, Хафиза, Физули, Навои...

Шакарим пишет. У подсвечника на чистый лист бумаги ложится арабская вязь. Вновь слышу голос поэта:

– Как можно улучшить жизнь людей? При каком условии люди могут жить в мире и согласии? Мыслящие люди веками ломали головы над этими вопросами. Многие ученые разных времен написали много трудов, в которых указывают пути улучшения жизни человечества. Главные их мысли, на мой взгляд, сводятся к следующему: если одни утверждают, что жизнь людей станет лучше при соблюдении предписания Всевышнего создателя, то вторые предлагают упразднить государственную власть и дать полную свободу действий. Третьи видят улучшение жизни в развитии образования, науки. Четвертые уверены, что этого можно добиться, сравнив богатых и бедных, а пятые надеются достичь своей цели путем перевоспитания людей. Ведь сама жизнь – не что иное, как борьба. Потому, мол, говорят некоторые, сама природа сотворила жизнь людей такой, когда одни давят других, грабят их и оказываются победителями в неравной борьбе.

Ни один из этих путей, взятый в отдельности, не приведет к счастливой жизни...

Если верить тому, что человечество станет лучше, когда признает и будет чтить Всевышнего, выполняя предназначения Корана, то чем можно оправдать неприглядные действия всяких мулл и служителей религии, обманывающих и грабящих своих же соплеменников? Если бы не было государственной власти и люди начали делать, что им вздумается, отказались от помощи друг другу, стали обижать более слабых, то какая может быть счастливая жизнь? Правда, ученые и образованные представители народа знают много и могут способствовать развитию общества. Но как и где они применяют свои знания? Те из них, о которых я знаю, ничего полезного для человечества не сделали, кроме как применили свои знания и открытия для изобретения разных видов оружия, ядовитых газов, предназначенных для массового уничтожения себе подобных людей, для их порабощения и обильного поливания земли человеческой кровью.

Посмотрите на Англию и Америку, которые считаются самыми передовыми странами в техническом развитии. Что касается уравнивания богатых и бедных, то это прямой путь к такому состоянию, когда бедные, получив блага даром, перестанут трудиться и окончательно обленятся. Если верить тому, что всего можно достичь при помощи лишь воспитания, то взгляните на своих детей, которые растут и воспитываются в одной семье, в одной среде. Но один из них спокойный, другой – беспокойный, третий трудолюбив, четвертый – лентяй, один добрый, другой – жестокий, третий – вспыльчивый.

В конечном итоге мысль о том, что жизнь – это борьба, когда люди предназначены убивать друг друга, – безосновательна, потому что все в мире подвержено изменениям, в том числе, безусловно, и человечество.

Невозможно, чтобы честный, умный, добрый и любящий человек мог расти, убивая, подавляя, обижая других.

И все же как улучшить жизнь людей?.. Несомненно, этому улучшению должны служить честный труд, чистосердечность, добрый разум. Пока эти три составные не возьмут верх в поведении людей, человечеству не жить в мире.

И все же как улучшить жизнь простых аульчан, когда кругом голод, когда отощавшие от голода люди теряют свой человеческий облик?

В зимовку входит человек средних лет и на вопрошающий взгляд Шакарима произносит:

– Учитель, оставшиеся в аулах люди собираются покинуть родные места и откочевать по ту сторону южных гор, в Китай!

* **

Осенняя степь.

Время перед первым снегом. Клонится шар солнца за горизонт, очертания юрт, вечеряющий аул, тьма. Горит костер, тяжелый осенний дождь гасит его.

Катится объятый языками пламени эбелек, за ним другой, третий. Все они как бы образуют катящиеся огненные шары...

Звуки грустного кюя Шакарима...

Словно кто-то повелел зажечь огонь,
 Пожелав зажечь огонь, обжег ладонь.
 Собираясь осветить просторный дом,
 Всем насущным запасался в доме том.

Чиркнул спичкою – и вспыхнула она,
 На мгновение огнем озарена.
 Нетерпение мое сродни огню,
 Тьма пространства, отступить она должна.

Словно вновь подбросил я побольше дров,
 Зарождалась теплота душевных слов.
 Но как будто гнев безумного огня
 Душу опалил, опустошил меня...

Умирало пламя, угли чернотой
 Угнетали мои мысли в час ночной.
 Жизнь, пылавшая, как пламя, стала пеплом
 Или, может быть, развеялась золой...

Потухший очаг. Пепел в человеческой ладони. Раскрытая ладонь, развеваемый ветром пепел.

Над осенним ненастьем, над миром, ожидающим первый снег и первые заморозки, угрюмо парит орел.

Семипалатинск начала тридцатых годов.

Карканье ворон над деревьями. Свинцовые тучи, нависшие над домами, скрип проезжающих телег, редкие автомобили, редкие прохожие.

Кирпичное здание дореволюционной постройки. ОГПУ. Красный флаг. Человек с винтовкой у входа. Входят и выходят куда-то спешащие военные в кителях, во френчах, в кожанках и в штатском.

Полутемный колодец коридора с дальним светом окна в торце. Слышен стук телеграфа. Голоса по телефону.

Кабинет начальника ОблГПУ В.И.Панова. Стол, покрытый зеленым сукном, графин с водой. Портреты Сталина, Дзержинского. Виктор Иванович, человек лет пятидесяти, борода клинышком, в пенсне, одетый в штатский костюм, с кем-то разговаривает по телефону:

– Самое главное, найдите такие формы убеждения, чтобы народ поверил вам – представителю Советской власти... Что?.. Снимаются с зимовок и откочевывают в Китай? Слишком много умерших от голода? Да-а-а... Нет, это крайняя мера. Вы меня слышите? Крайняя! И вообще, старайтесь вносить поменьше перегибов и администрирования в свои действия. Ясно? Важно, чтобы народ поверил нам... Я еще раз повторяю – поверил! Все.

Панов положил на рычаг трубку. Тяжело вздохнув, закурил папиросу. Затем обратился к своему заместителю Волкову, сидящему за соседним столом:

– В Чубартау голод, в результате чего местное население не верит в перспективу коллективизации. Снимаются с зимовок и откочевывают в Китай. Многие простые люди идут на поводу подстрекателей. Что ж, я их где-то понимаю. Прошлогодний джун, неурожай, да и наши ретивые, но неумелые уполномоченные... Все в один котел – вот и снимаем пенки. У степняка, для которого, может быть, в диковинку не только слово «колхоз», но и сам принцип оседлой жизни, мы зачастую, не разбирая, бай он, середняк или же бедняк-шаруа, отбираем последний скот и зачисляем в колхоз. Конечно, он нам не поверит.

– А как же решение февральского пленума Казкрайкома, – прищуря глаза, спросил Волков, – и телеграмма Филиппа Исаевича Голощекина?

– Решение февральского пленума для меня, коммуниста, – приказ, и я обязан его выполнять, – чеканя каждую фразу, сухо произнес Панов и в упор взглянул на Волкова.

– Да, Виктор Иванович, вы вызывали товарища Карасаева, – не выдержав взгляда Панова, Волков перевел тему разговора, – он прибыл и ждет в коридоре.

– Пусть войдет.

Волков подходит к двери и, открыв, приглашает войти. Входит Карасаев, человек лет двадцати пяти – тридцати, одетый в военную форму ГПУ тех времен.

– Товарищ начальник, разрешите.

– Садитесь, товарищ Карасаев. Я вас вызывал еще вчера. Очень неспокойно в Чингисских горах. Есть сведения, что подстрекатели, спекулируя на нынешнем положении коренного населения, а именно на том, что народ голодает и не верит в коллективизацию, уводят целые аулы за кордон. Местные партийные активисты не в силах удержать массы на местах. В некоторых аулах произошли волнения. Возьмите отряд из двадцати человек, необходимый провиант, а также несколько мешков с зерном из местного фонда для голодающих детей и поезжайте туда, чтобы успокоить людей и нормализовать обстановку. Все время держите меня в курсе дел. И вот что самое главное. Вы родом из этих мест?

– Да, товарищ начальник!

– Ну тогда и без нашего напоминания знаете, что Чингистау – это место, связанное с именем поэта Абая. Там живет его родич Шакарим Кудайбердыев. Говорят, человек очень просвещенный и имеющий большое нравственное влияние на степной люд. Он автор нескольких книг, изданных здесь, в Семипалатинске. Был когда-то членом Российского Географического общества, даже некоторое время состоял волостным Кызыл-Молинской волости, но сейчас отошел от всего и, по нашим сведениям, живет уединенно в горах, вдали от аулов, занимается охотой и литературным трудом.

– Да, его стихи и песни мы с детства знали в ауле. Еще говорят, что он совершал хадж в Мекку, и во многих аулах его так и называют – хаджи.

– В вашу задачу входит – найти с ним общий язык. И через него повлиять на аульчан. И ни в коем случае не прибегать к угрозам. Народ не любит, когда обижают его поэтов.

Разговор Панова с Карасаевым внимательно слушает Волков, хотя внешне ничем себя не выдает.

– У меня все. Ступайте.

– Слушаюсь, товарищ начальник.

Карасаев уходит. Панов подходит к окну и задумчиво глядит куда-то вдаль. За окном дождь, пасмурно, мглисто.

И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить,

– с потаенной грустью произносит Панов.

– Андрей Петрович, знаете, чьи это стихи? – спросил у Волкова.

– Нет.

– Впрочем, вам и не суждено их знать. Ваша юность пришлась на нашу, революционную эпоху. А я грешным делом был влюблен в его стихи. Даже спорил о его таланте с самим Георгием Васильевичем Чичериным. Как давно это было! А теперь я здесь, в знаменитом городе Семи Палат.

– И чьи же это стихи?

– Был один большой русский поэт. Иван Алексеевич Бунин. Впрочем, почему был? Он и сейчас в здравии и...

– И живет за границей. Вращается в кругу эмигрантов. Не так ли, уважаемый Виктор Иванович?

– Все так, все так, мой дорогой друг.

– Виктор Иванович, давно собираюсь спросить вас.

– Я весь внимание, Андрей Петрович.

– Странное дело. Мы получаем телеграмму, что боязнь перегибов – это оппортунизм, а вы, посылая уполномоченных, внушаете им, чтобы они были поласковой с кочевниками. Странно это слышать из ваших уст. Меня, заместителя начальника ОблГПУ, такому не учили.

– А меня, начальника ОблГПУ, учили. И учил непосредственно товарищ Чичерин, о котором я уже имел честь говорить вам. Интересно было бы знать, кого вы считаете своим кумиром, – вспыхнув, резко произнес Панов.

– Мой кумир, как вы выразились, Виктор Иванович, начинал здесь, в Семипалатинске, затем работал в Казкрайкоме, а сейчас заведует Отделом кадров ЦК ВКП/б/. И звать его – Николай Иванович Ежов.

– Ну что же, мой друг, – Панов, усмехнувшись, изучающе посмотрел на Волкова: – Вы очень далеко пойдете. Очень далеко. Как говорится, желаю успеха!

Администрирование и перехлесты в колхозном строительстве толкали шаруа-скотоводов на самые отчаянные поступки. В 1931-1932 годах участились случаи вооруженных выступлений, чем умело пользовались кулаки и баи. Но подавляющее большинство населения даже в этой экстремальной ситуации не желало поднять руку на ту власть, которую само завоевало и отстаивало в ходе революции и гражданской войны. Они избрали пассивную форму протеста против притеснений и несправедливости – переселение. Жизнь каждого человека неповторима и дорога. Смерть же косила целые аулы и районы, собирала свою злоеющую дань детьми и стариками. Голодали не только в аулах, но и на крупнейших стройках республики и на шахтах Караганды.

Представители казахской интеллигенции не могли закрывать на это глаза...

Турар Рыскулов, видный организатор строительства Турксиба и Караганды, писал Сталину: «...Смертность на почве голода и эпидемий в ряде казахских районов и среди откочевников принимает сейчас такие размеры, что нужно срочное вмешательство центральных органов. Такого положения, какое создано сейчас в Казахстане в отношении определенной части казахского населения, ни в каком другом крае или республике нет».

Есть еще «письмо пяти»: Г. Мусрепова, М. Давлеткалиева, Е. Алтынбекова, К. Куанышева, М. Гатаулина... Они писали: «...катастрофическое сокращение поголовья скота вызвано не только байской агитацией, но и главным образом «левацкими» искривлениями линии ЦК. Мы не сумели полностью исправить «левацкие» перегибы, имевшие место в колхозном движении, начиная с 1929 года, выразившись в нарушении ленинского принципа добровольности, недоучете особенностей аула и даже в ликвидации середняка вместе с баями. Аульская и районная парторганизации не сумели извлечь уроки из этих перегибов, и в силу этого перегибы и администрирование продолжают вплоть до настоящего времени».

Представители казахской интеллигенции находились в самой круговерти этих трагических событий. Одним из них был Шакарим.

Далеко ль ушел от зверя одичавший человек?
Восторгаешься ли новым, что так щедро дарит век?
Но, не в силах прокормиться, умирает близкий твой,
Как поделишься ты скорбью, если каждый –
как чужой.

Сердце доброе, святое вы встречали или нет?
Встрепенулся б я, заслышав положительный ответ!
Чистого в делах народа я покамест не встречал –
Не богат, видать, на честность этот век,
двадцатый век!

Шакарим верхом на коне въезжает в аул, который суетливо готовится к скорой откочевке в Китай.

Из каждой юрты выглядывают простые кочевники – шаруа. Они взглядами провожают своего учителя, проезжающего вдоль аула.

Медленный и долгий проезд Шакарима. Суета, характерная для такого отъезда, на несколько мгновений затихает. Каждый – кто у нагруженной подводы, кто у оседланной лошади, кто уже сидит верхом на коне, кто у разобранной наполовину юрты – все с неммым вопросом и ожиданием смотрят на Шакарима. Все словно бы спрашивают – что нам делать?

Шакарим подъезжает к группе всадников, стоявшей на краю аула:

– Я вам не судья! Если считаете, что там, за горами, ваше спасение, пусть будет добрым и скорым ваш путь.

– А кто нам судья, если не ты?..

– Мы помним те стихи, которые распевали еще в том, семнадцатом году:

Свободы день встает. Казахи, мой народ,
Идите за людьми, узревшими восход.
За светлую зарей идет и солнце вслед,
Казахи, вам пора навеки сбросить гнет.

– Ну что же, гнет мы сбросили, пошли вслед за солнцем, только это солнце почему-то не греет наши сердца, а, наоборот, выжигает последние припасы в ауле.

Шакарим обвел всех долгим взглядом:

– Да, но там есть и такие строки:

Пусть совесть прояснит твой разум, мой народ,
И светлое пускай над темным верх возьмет,
Как сердце доброе, пусть справедливый труд
В союзе с разумом всех к миру приведет.

– Ну и где этот справедливый труд, а?

– Ответь, учитель!

– Мы никогда не сеяли, а нас заставляют сдавать зерно.

– Отбирают последний скот!..

– И это та самая власть, за которую мы кровь проливали. Шли в бой, распевая твои песни, Шакарим...

– Хоть ты и учитель и от слов твоих, как и прежде, веет мудростью, – еле передвигая ноги, подошел к Шакариму старец, – но знай, что слова твои не помогут, когда у аульчан нет даже сил, чтобы похоронить своих родичей, умерших от голода. Ответь мне, Шакарим, ты едешь с нами?

– Знай, что мы устроим привал в урочище Аршалы, – угрюмо добавил один из предводителей предстоящей долгой откочевки, – и будем ждать тебя там.

Место, где недавно располагался аул.

Две-три старые пустые юрты. То там, то здесь черные пятна погасших очагов. Валяющиеся треножники, пустые казаны.

И только мазары напоминают, что здесь недавно было жилье, был аул, мерной чередой долгих лет текла человеческая жизнь.

Въезжает небольшой отряд А.Карасаева. Гробовая тишина встречает их. Слышно тревожное похрапывание коней.

У мазара – обезумевшая женщина над телом мертвого ребенка.

Красноармейцы обходят две-три старые пустые юрты.

Карасаев подъезжает к женщине и, не слезая с лошади, сурово спрашивает:

– Где народ?

Женщина медленно поворачивает на его голос голову и, словно бы безучастно, переспрашивает:

– Народ? Народ?!

В пустых глазах ее вдруг вспыхивает безумная ярость:

– Народ!

Она медленно поднимается с колен и подносит мертвое тельце Карасаеву:

– Вот народ!

Затем показывает на мазары:

– Там народ! Ты меня слышишь – во-о-от твой народ!

Она в безумии, схватив поводья коня Карасаева, начинает трясти головой:

– Та-а-ам твой народ! Ха-ха-ха-а-а!

Красноармейцы, схватив сумасшедшую, отгаскивают ее в сторону. Она вырывается. Испуганный взгляд Карасаева. Слышен страшный хохот женщины, переходящий в судорожные рыдания.

Ненастье.

Небольшая, но бурная горная речка. Резкий осенний ветер срывает последние листья с деревьев. Эти листья уносит река. Ворох кружащихся листьев. Листья летят попеременно с первым осенним снежком.

По теченью бьет о камни
Жизни быстрая река.
Ядом стал напиток славный,
Дрогнула твоя рука.
Мы исчезнем, друг мой давний,
Словно горсточка песка.

Нас травинками в потоке
Закрутило, занесло.
Жизнь свои выносит сроки,
Каждому – свое число.
В бездне тени наши никнут,
Обретем покой,

когда

Успокоится, притихнет,
Перестанет течь вода.

Тонкий ледок сковывает речку. Льдом и инеем покрыты и листья, рассыпанные по реке. Чуть дрожит единственный красно-желтый листок на черной ветке.

Ветер стихает. Тишина. Медленно падает снег.

Безлюдное пространство степи, где-то там, на горизонте, окаймленное цепочкой далеких гор.

Долина, вдоль которой, словно бы разделяя ее надвое, движется небольшой отряд Карасаева.

Карасаев, оглянувшись, подзывает:

– Оспанов!

Подъезжает молодой красноармеец.

– Скачи в райцентр. Свяжись с Семипалатинском. Сообщи Панову, что несколько аулов снялись со своих мест. По всей видимости, направляются в сторону Китая. Скажи, что пока еще не напали на их след. Завтра сам выйду с ним на связь. Жди меня там. Все!

– Слушаюсь!

Отряд движется дальше. Кто-то из бойцов задирает высоко к небу голову.

В бездонной синеве виден парящий над отрядом ястреб.

Зимовка Шакарима.

Горит огонь в печи. В глубине комнаты мать кормит сурпой проснувшегося ребенка. Чувствуется, что жар у мальчика спал. Молодая женщина счастливо улыбается, глядя, как ее сын жадно ест мясо и пьет бульон из пиалы.

Шакарим, сидя у зажженной свечи, пишет.

«Почему я вспомнил об этом сне?.. Может быть, тому виной этот малыш, который еще никому в этом мире ничем не обязан? Наоборот, мы ему обязаны, что он своим появлением на свет разрушает догму о вырождении человека...»

Свеча. Колыхание пламени. Полупрофиль поэта.

«...Где же я об этом читал? Ах, да! В наследии Николая Федорова, в его «философии общего дела», о которой так высоко отзывался Лев Толстой. Как же он там писал?»

Листает книгу. Наконец находит:

«Чист человек и мир только в его источнике, в его детстве... В детском чувстве всеобщего братства скрывалось, заключалось то, что каждый человек есть сын, внук, правнук... потомок отца, дедов, прадедов, предков, общего, наконец, праотца, следовательно, в этом чувстве заключалось не только теснейшее соединение настоящего, живущего, но такое же или даже еще и большее соединение настоящего с прошедшим, в противоположность учениям древних и новых философов, ошибка которых и состоит именно в разрыве настоящего с прошедшим».

Шакарим, обернувшись на молодую женщину, лелеющую своего ребенка, продолжает размышлять:

«Где мои сыновья? Так же, как и другие, едут со своим аулом в Аршалы, чтобы перебраться в Китай? Чего я достиг, если слова мои уже не лечат людей? К чему стремился, жертвуя всем, чем наделила меня жизнь с самого рождения, с каждым восхождением падая с высоты своего детства?»

– Ата! Ата! Проснитесь!

Будит Шакарима молодая женщина. Шакарим, опустив голову на стол, покрытый исписанными листами, спит.

– Ата! Учитель! Проснитесь, к вам пришли.

В комнате находятся Карасаев и еще один боец.

– Ассаламугалейкум, аксакал! – обращается к нему, протягивая обе руки, Карасаев.

Шакарим, не подав своей руки, смотрит как бы сквозь него, Карасаева.

Карасаев, переглянувшись с бойцом, хмыкнул и, взглянув на казанчик со свежим дымящимся мясом, произнес:

– Говорят, во всех аулах голод, а здесь, пожалуйста, – полный дастархан.

– Это учитель подстрелил горного елика, – потупя взгляд, произнесла молодая женщина, – сын у меня простудился, вот я его и отпаивала сурпой.

– А сама откуда?

– Из аула Караул. Все ушли, а я не смогла, – заплакала женщина, – не смогла из-за ребенка... Вот и осталась. А муж умер неделю назад... умер от голода, – зарыдала женщина.

– Ну, хватит! Чем реветь, лучше бы накормила нас. А ваши аулы далеко не уйдут. Мои бойцы напали на их след и сейчас поджидают там, в горах...

Мальчик подходит к Шакариму и прячется за его спиной, испуганно выглядывает.

Шакарим из-под густых бровей взглянул на Карасаева. Тот, не отводя взгляда, смотрит на него:

– Я уполномоченный Семипалатинского ГПУ Абен Карасаев!

Зимовка Шакарима. Шакарим, Карасаев и боец сидят втроем за низким круглым столиком. Карасаев и боец, проголодавшись, едят. Шакарим к еде не притрагивается, сидит в угрюмом молчании, но не теряет чувства собственного достоинства.

Женщина подает им горячий чай.

Из глубины комнаты наблюдает за ними мальчик.

– Аксакал, почему вы молчите? Я хоть и родом из другой местности, из Бескарагая, но с детства знаю ваши песни и стихи. Честно признаюсь, я и сам пишу. Например, мою песню «Паровоз» поют в родном ауле. Скажите хоть слово, почтенный.

– Все слова мертвы, если гибнет народ, – после некоторого молчания произносит наконец Шакарим.

– Аксакал, я знаю, что аулы скрываются где-то в горах, объединяются в большие кочевья, чтобы затем перейти в Китай. У меня приказ – всеми средствами возратить людей в места их постоянного жительства...

– Людей не гонят кнутом в места, где они родились и где прожили свою жизнь, где захоронены их предки, где, наконец, покоится прах Абая. Наоборот, человек сам всю жизнь стремится к себе, на родину. Знать, велика обида, велико горе и страдание, если они по своей воле покидают родные места.

– Хотите сказать, что они обижены на Советскую власть? Вы что, против коллективизации?

– Народ в обиде не на власть, а на ее горе-представителей. И если эти представители, эти уполномоченные объединяют людей в колхозы только для того, чтобы они все, гуртом, умирали от голода, – я против такой кампании.

– Мда-да, а кого вы подразумеваете под горе-уполномоченными? Уж не меня ли? У меня приказ, у меня мандат, чтобы возвратить людей в колхозы. – Карасаев, горячась, лезет в нагрудный карман и достает мандат, показывает его Шакариму. – И вы, аксакал, обязаны не только помогать в этом, но и подчиняться мне во всем.

Шакарим, взглянув на бумажку, вздохнув, ответил:

– Нет такой бумажки, которая заставляла бы меня посылать людей на верную гибель.

– Ну что ж, гражданин Кудайбердыев, хоть вы и почтенный человек, хоть вы и аксакал, а вот суждения ваши контрреволюционны.

– Попугай хотя и знает обиходные слова, все же птицею внимает в то, что выдала молва. Так подобно попугаю есть в ауле человек. В суть предмета не вникая, не найдет себя вовек, – усмехнувшись, произнес Шакарим строфу из своего стихотворения.

– Вы мне за это ответите, гражданин Кудайбердыев, – схватившись за кобуру с пистолетом, вскипел Карасаев. – Я завтра вернусь, и если к тому времени вы вновь откажетесь помогать нам – пеняйте на себя.

Карасаев с бойцами уходит, хлопнув дверью. Дверь от сильного толчка вновь открывается. Слышно завывание ночного ветра.

Испуганный взгляд мальчика.

– Ата! Я боюсь. Чует мое сердце, он вновь вернется сюда, – прошептала молодая женщина.

– Собирайся! – закрывая дверь, произнес Шакарим. – Отвезу тебя в Аршалы. Жар у ребенка спал. Время сейчас смутное. Тебе лучше быть вместе со всеми.

Неказистое помещение районного ГПУ.

Карасаев крутит ручку телефона. Рядом стоит боец Оспанов, ранее посланный Карасаевым в райцентр.

– Алло! Докладывает уполномоченный Карасаев. Свяжите меня с товарищем Пановым. Что?.. Его нет? А кто есть? Его заместитель Волков. Хорошо, соединяйте. Здравствуйте, товарищ Волков. На проводе Карасаев. Докладываю. Судя по обстановке, аулы, снявшись с мест, направляются где-то в горах...

Голос Волкова:

– А с кем-нибудь из местных жителей встречались? С кем? С Шакаримом? Живет один на отшибе в горах и не говорит, куда откочевали аулы. Так-ак! Вот что, товарищ Карасаев. Допросите его по всей строгости нынешнего времени. А если возникнет необходимость – арестуйте и доставьте его под конвоем сюда. Здесь он быстро расскажет все, что нас интересует. Сами оставайтесь там и найдите местонахождение откочевников. Все. Действуйте!

Ночные костры во время привала в ущелье Аршалы.

Шакарим идет вдоль костров. Останавливается у каждого. Отсветы пламени бродят по его лицу.

Он смотрит на усталые лица аульчан. Кто молча сидит у костра, кто чинит что-то из походной утвари, кто тихо перебирает струны домбры.

Одна из женщин качает бесик, напевая степную колыбельную:

Алди-алди, спи, мальш,
Спит у озера камьш...

– Отец! – окликает Шакарима кто-то из темноты.

– Балам! Сын мой! – прижав к груди своего младшего сына, молодого человека лет тридцати, шепчет Шакарим. По его щекам скатились скупые слезы.

– Сын мой! Кенжешим!

– Куке! В нашем коше пустует одно седло. И это седло – твое, отец!

– Нет, сын мой. Быть может, достигнешь лет моих и поймешь, почему я остаюсь. – Видно, что Шакарим справился с минутной слабостью и вновь взял себя в руки, уйдя мыслями куда-то вглубь души.

– Что у тебя там? – показывая на сверток, который держит в руках сын Шакарима.

– Я везу твои книги, отец, – промолвил сын и развернул кусок ткани, в которую были завернуты книги Шакарима.

Произведения Шакарима, изданные до революции в Семипалатинске, не раз переиздавались в Китае и Турции, и лишь в нашей стране они долгие годы были под запретом. Однако надо заметить, что благодаря мужеству поэта и государственного деятеля Сакена Сейфуллина, который сам стал жертвой сталинских репрессий в 1938 году, произведения Шакарима были все же опубликованы в Алма-Ате в 1935 году под редакцией самого Сейфуллина.

Шакарим, поглаживая ладонью обложки книг, возвращает их сыну:

– Эти книги уже не мои, они принадлежат всем, – и показал рукой на людей, сидящих у костров.

Трагична судьба сыновей поэта. Один из них откочевал с аульчанами в Китай. Другой был арестован в тридцатые годы и покончил с собой, находясь в тюрьме. Третий – Ахат Кудайбердыев – также долгие годы сидел в тюрьме, был освобожден в середине пятидесятых годов. В последующие годы учительствовал в ряде областей Казахстана. За свою педагогическую деятельность был награжден орденом Ленина. Во многом благодаря ему был сохранен уникальный архив поэта.

Карасаев в зимовке Шакарима. Рядом с ним – два бойца. Производят обыск. На полу разбросаны исписанные листы, книги. Карасаев, стоя у письменного стола, читает неопубликованные строчки Шакарима:

Вот луна, что отражает солнца заходящий свет,
Пусть по лунам мир считает – сколько вышло лунных лет.
Ты по звездам время года распознать в ночи сумей,
Отраженный луч восхода солнца самого слабей.

– Та-ак, – затем, оглянувшись украдкой на бойцов, прячет эти и другие стихи в карман.

Абен Карасаев увлекался стихотворчеством. Украд стихи Шакарима, он наряду со своими графоманскими строками выдавал за свои. Но нигде, ни в одном печатном органе ему не удалось опубликовать их. Люди сразу узнавали в представленных строках гений Шакарима и отвергали авторство проходимца...

В зимовку вбегает один из бойцов:

– Товарищ начальник, едет!

Все выбегают из зимовки.

С предгорья, сидя на своем коне, спускается Шакарим.

– Та-ак! – злорадно произнес Карасаев, когда Шакарим подъехал к своей зимовке. – Ну что ж, гражданин Кудайбердыев, уже сообщили своим бандитам о нашем приходе. И молодуху с ребенком отправили к ним, а?

Шакарим молча спрыгнул с лошади, привязал ее к коновязи и направился к раскрытым дверям зимовки...

Но Карасаев, встав у косяка, не пускает его:

– У меня приказ: арестовать и доставить в Семипалатинск. Оружие!

Шакарим, молча сняв с плеча ружье английского образца, подержал в руках, а затем резко переломил его о колено и выбросил в сторону.

– И вправду говорят, не врага бойся, равного тебе по силам, а укуса дворняжки из родного аула.

Двое бойцов, подойдя с обеих сторон, схватили Шакарима за плечи.

Шакарим, дернув плечами, отстранился от них и сам направился вниз по склону.

За ним с винтовками в руках двинулись двое бойцов.

Жалобно заржала лошадь Шакарима.

Взлетела стая ворон и с карканьем повисла в небе.

Карасаев, что-то чиркнув на бумаге, передал Оспанову:

– Доставишь вместе с конвоем до Семипалатинска на телеге, – кивнув в сторону спускавшегося по склону Шакарима, – и вот это передашь Волкову.

– Слушаюсь, товарищ начальник!

Вновь заржал конь, вырываясь с коновязи.

– Я тебя! – Взяв бич, стал подходить к оседланному коню Шакарима Карасаев и – поневоле залюбовался конем.

Конь, продолжая ржать и вырываясь с привязи, искоса взирал на приближающегося к нему Карасаева.

Карасаев, отвязав коня, вскочил на него.

Конь, заржав, взметнулся, встал на дыбы, а затем, проскакав десятка два метров, сбросил всадника и помчался в сторону гор.

Карасаев, видя, что не догнать коня, вынимает из кобуры пистолет и целится... Раздается выстрел. Резкое ржанье коня. Конь летит в глубину ущелья.

Лязганье тяжелых дверных затворов.

Одна за другой открываются двери, сквозь которые ведут под конвоем Шакарима.

Свет полной луны сквозь решетки верхнего оконца проникает в камеру Шакарима, разделяя ее наискось надвое. Этот же бледный свет луны отражается в глазах поэта.

«Когда я намеревался приступить к созданию крупных произведений, то написал Толстому и попросил, помню, его совета. Вот что он мне ответил: «Будь то произведение со множеством действующих лиц, будь то короткий рассказ, прежде всего писатель должен настолько проникнуться описываемыми событиями и действиями, словно сам он в них участвовал. Надо основательно знать причины и следствия этих собы-

тий, связь действий с общественным развитием. Ход описываемых событий должен быть очевиден для писателя, как в зеркале, и глубоко прочувствован. В противном случае художественное произведение убедительным и интересным не получится. Писатель не должен забывать поговорку: «Шуба, скроенная по тени человека, не будет ладной». Произведение, написанное без проникновения внутрь, как бы со стороны, стоя на холме мысли, не будет правдоподобным и увлекательным».

Кабинет Панова.

Панов, едва сдерживая гнев, спрашивает у Волкова:

– Это вы отдали приказ об аресте Шакарима Кудайбердыева?

– Я действовал по инструкции – при явном нежелании помогать представителю власти данный элемент подлежит изоляции.

– Элемент?! Вы понимаете, что этим самым рубите сплеча тонкую нить, которая нас соединяет с местным населением? Вы понимаете, что кочевники, узнав, что их учитель, человек, уважаемый во многих аулах, арестован, не только не поверят нам, но и всячески будут противодействовать нашим с вами акциям?..

Панов резко встает, подходит к окну, затем, повернувшись к Волкову:

– Прикажете привести Кудайбердыева. И вот еще что – я бы очень хотел, понимаете, очень, чтобы вы, Андрей Петрович, при нашей с ним беседе не присутствовали. Думайте, что хотите, но можете считать, что это – приказ.

– Я вынужден составить об этом разговоре рапорт, – криво усмехнувшись, произнес Волков.

– Дело ваше.

Волков уходит. Панов нервно бьет торцом папиросы о сукно стола.

Снова лязг засовов.

Поочередно открываются тяжелые двери.

Идет Шакарим под конвоем.

Открывается дверь кабинета Панова.

– Я должен вам сообщить, что арестовали вас по недоразумению. Вот бумага о вашем освобождении из-под стражи. Но я хотел бы с вами побеседовать, и вот о чем. Вы – образованный, известный во всей округе человек. И, судя по всему, не собирались вместе с аулами откочевать в Китай. Почему же вы не смогли убедить своих сородичей и аульчан, чтобы они остались?

– Что в силах одинокого поэта? – помолчав, произнес Шакарим. – Да и как можно убедить народ, когда реальные действия ваших уполномоченных и само нынешнее положение в степи наносят непоправимый урон всему жизненному укладу кочевника?!

– А как вы видите переустройство этого жизненного уклада?

– Для этого во главу государственной власти самими же трудящимися должны избираться компетентные, честные, умные руководители. По указанию таких лидеров необходимо издавать законы, согласно которым уже рожденные и будущие дети должны получить образование, навыки трудовой деятельности, обучаться разным видам искусства, творчества и ремеслам по их способностям. Нужно

также ввести новый предмет в обучении – «Кодекс о чести и совести». Возможно, я ошибаюсь, но именно эти суждения привил мне Лев Толстой...

– Вы были знакомы с ним?

– Нет, состоял в переписке. Получил от него несколько писем, и последнее незадолго до его смерти...

– Говорят, вы совершали паломничество в Мекку?

– Да, но не столько догмы религии побудили меня к этому, сколько сама история религии. Во время путешествия пожил немного и в Стамбуле, занимался в библиотеках.

– А знаете, Иван Бунин посвятил когда-то камню вашего поклонения целый сонет. Он так и зовется «Черный камень Каабы».

Но шли века – со всех концов вселенной
К нему неслись молитвы, и рекой
Текли во храм, далекий и священный,
Сердца, обремененные тоской...

– Стихи Бунина известны в наших краях. Известны, благодаря моему учителю Абаю. – Шакарим, вспоминая, прочел стихотворение Бунина в переводе Абая.

– И это Бунин?!

– Да, «Не пугай меня грозой».

– Впервые слышу Бунина на казахском языке! – воскликнул Панов, затем, спохватившись, внезапно замолчал.

– Какие у вас планы на будущее?

– Побуду дня два в Семипалатинске, а затем уйду к себе на зимовку.

Панов пишет что-то на листке бумаги и отдает Шакариму, но потом, подумав, забирает этот листок у него:

– Вот распоряжение, чтобы вам выделили коня на обратную дорогу. Хотя нет. Я сам распоряжусь. Приходите завтра с утра пораньше. Ну, всего вам доброго!

Панов встает и крепко жмет руку Шакариму.

– Да, если будут у вас какие-либо сложности, приходите ко мне. Что в моих силах – всем помогу!

Шакарим уходит. Панов, чему-то улыбаясь, долго смотрит на дверь, за которой исчез Шакарим.

Шакарим бродит по улицам Семипалатинска.

Мимо бывших зданий, построенных в европейском стиле: резиденции генерал-губернатора, гимназии, банковского дома, клуба купцов и приказчиков.

Эти все здания кирпичной постройки, с затейливыми башенками, лепными украшениями фасадов.

Мимо судоремонтных мастерских пароходного общества «Меркурий», по узким улочкам Татарской стороны, мимо многочисленных мечетей и церквей.

Вдоль Большой Владимирской, Степной и Крепостной улиц, мимо Западных ворот, дореволюционной библиотеки им. Н.В.Гоголя и двухэтажного Дома-музея братьев Белослюдовых.

Шакарим выходит на пустынный берег Иртыша. Река, еще не скованная льдом, несет свои темные тяжелые воды далеко на север. На этом фоне вновь отчетливо слышен вопрос Панова:

– Говорят, вы совершали паломничество в Мекку?..

Слышен протяжный гудок далекого парохода. Этот гудок парохода перекликается с ревом современного теплохода, стоящего у морского причала современной Ялты.

Панорама Ялты.

Бывшая дача царского генерала, князя-султана Губайдуллы Джангирова (ныне – школа № 6 по улице Боткина в современной Ялте).

Шакарим после совершения хаджа и поездки в Стамбул посетил на обратном пути в Ялте летнюю резиденцию князя-султана Губайдуллы Джангирова.

Павильон, убранный в стиле казахской юрты. За низким столиком сидит Шакарим и султан Г. Джангиров, одетый в генеральскую форму. Пьют кумыс, разлитый в чаши.

Сын известного казахского хана Джангира генерал-лейтенант князь-султан Губайдулла Джангиров последние годы жизни жил в Ялте. Окончил Петербургский пажеский корпус, получив звание корнета лейб-гвардии, служил в царской армии. С 1871 года – флигель-адъютант в свите Александра Второго. Находился на службе в Министерстве Иностранных дел и в Госдепартаменте Российской империи. Участвовал в Русско-турецкой войне в Крыму. Помогал многим талантливым молодым казахам получить образование в Санкт-Петербурге. Вызволил из заточения известного казахского поэта Акмуллу.

– Быть может, этот божественный напиток скрасит вашу долгую разлуку с родным аулом, – чуть улыбаясь, говорит Губайдулла Джангиров.

– Да, всем велик и Стамбул, и его библиотеки, и Айя-София, и Саудовская Аравия, не говоря уже о местонахождении Каабы – божественной Мекки, а вот этого напитка, к великому сожалению, в тех краях я не встречал. Вы правы, ваше сиятельство, соскучился по божественному кумысу. Бодрит и снимает усталость.

– В степях под Симферополем моя прислуга содержит несколько косяков лошадей. Ежевечерне привозят сюда, в Ялту. Мой вам совет – поживите с неделю здесь. Я выделю людей, съездите в Бахчисарай, в Эски Кырым, посетите мавзолей Джаныке-ханум, мечеть Узбек-хана. Конечно, они уступают дворцам и минаретам Стамбула, и все же вам, как человеку пишущему, было бы интересно посетить эти святые для каждого правоверного места в Крыму.

– Очень признателен вам, ваше сиятельство, – ответил Шакарим и, испытующе взглянув на Джангирова, решительно спросил: – Давно меня мучит один вопрос. Будьте милостивы выслушать его, ваше сиятельство.

– Слушаю.

– Что побудило вас, известного вельможу Петербурга, заступиться за поэта Акмуллу и выволить его из тюрьмы?

– Его же творчество и побудило, – ответил, усмехаясь, генерал Джангиров. – Сильные мира сего всегда должны прислушиваться к мнению блаженных. Так, кажется, величает поэтов святая книга мусульман. Даже хан Абылай, и тот выслушивал до конца песни Бу-

хар-жырау, порою нелицеприятные для его крутого нрава. А мой отец, хан Джангир? Именно бунтарю-поэту наказал быть воспитателем своего наследника Зулькарная, хотя Махамбет отнюдь не ласкал ханское ухо льстивыми одами. Одно четверостишие чего стоит, где он сравнивает моего отца с вилохвостым скорпионом. Но я, кажется, отвлекся от вашего вопроса, уважаемый. Я тогда состоял при свите его императорского высочества великого князя Александра, ведал в департаменте телеграфными и иными государственными делами. Приносят депешу, и к ней приложены стихи Акмуллы. Сердце тронула одна строфа:

Есть такие средь нас, что лет десять сидят,
А дела их давно в Петербурге лежат.
Много смелых ушло неизвестно куда,
На ногах их тяжелые цепи звенят.

Стихи так и назывались – «Написано в тюрьме». Пришлось отдать распоряжение о его освобождении. Ведь Акмуллу знали не только в наших степях, но и среди башкир и татар высоко ценилось его слово. И все же от судьбы не уйти. Все в воле Всевышнего. Спустя двадцать лет убили его при невыясненных обстоятельствах. Пусть земля ему будет пухом.

– Покорнейше благодарю, ваше сиятельство, за обстоятельный ответ. – Шакарим вытер платком губы и вновь обратился к генералу Джангирову: – Если позволите, схожу в книжную лавку, к караиму Синани. Заказывал ему книги...

* **

Знаменитая ялтинская «Русская избушка». Книжная лавка. Хозяин «Русской избушки» книготорговец Исаак Абрамович Синани, стоя на фоне книжных стеллажей, обращается к А.И.Куприну, который у раскрытого окна, откуда доносится шум волн, полностью погружен в газету «Русские ведомости».

– Да, Александр Иванович, читал ваши мысли о Льве Николаевиче в журнале «Современный мир». Очень занятно, очень. В особенности, я бы сказал, один абзац. Он то и дело вспыхивает у меня в памяти: «И что власть его – подобная творческой власти бога – останется навеки, останется даже тогда, когда ни нас, ни наших детей, ни внуков не будет на свете». Мда-а, так можно сказать только о Льве Толстом.

Куприн, читая «Русские ведомости», с удивленной благодарностью вскинул брови и взглянул поверх газеты на Синани. Затем, от души рассмеявшись:

– Это же надо! Представляете, милостивый государь, господин Гучков слагает свои полномочия! И знаете, в связи с чем? Почти как в моем «Поединке». Вот, слушайте: «Официальный отдел «Русских ведомостей» сообщает: 10 июня в президиум Государственной Думы на имя старшего помощника председателя князя Волконского поступило заявление, в котором господин Гучков Александр Иванович (надо же, я и не знал, что он тезка мой) слагает с себя полномочия председателя Государственной Думы, так как ему летом придется отбывать наказание за дуэль с господином Уваровым». Так-то, батенька. Каково, а?!

Оба смеются.

- Чем не сюжет? – сквозь смех спрашивает у Куприна Синани.
- Полноте! Для этого мне надо запрашивать разрешение у всей Государственной Думы, – смеясь и не отрываясь от газеты, отвечает Куприн.
- В это время открывается дверь, входит Шакарим.
- О, господин Кудайбердыев! Покорнейше прошу – пожалуйте! – засуетился Синани, выходя навстречу. – Как чувствуете себя после длительного путешествия? Как отдыхается в наших краях?
- Благодарствую! – произнес Шакарим и, взглянув на Куприна, молча кивнул ему. Куприн ответил поклоном головы и, хотя он продолжил просматривать газету, стало видно, что его заинтересовал облик Шакарима.
- Все ваши заказы выполнены с превеликим удовольствием, – доставая из-под прилавка стопку перевязанных книг, промолвил Синани. – Вот сочинения Шопенгауэра, вот трактаты Канта, а это – только что вышедшая книга «Некрополи Крымского побережья». Лично от меня, как память о здешних местах. Осмелюсь думать, что она вас заинтересует.
- Шакарим щедро расплачивается и, взяв связку книг, направляется к выходу.
- Покорнейше благодарю, – провожая Шакарима до дверей, произносит Синани.
- Шакарим, открывая дверь, вновь чуть наклонив голову, прощается с Куприным. Куприн также отвечает на его поклон.
- Какое благородное лицо у вашего любителя философии Шопенгауэра! – восклицает Куприн, когда Синани закрыл дверь за вышедшим Шакаримом.
- И не говорите, Александр Иванович, – ответил Синани.
- Из приезжих? – спросил Куприн. – Что-то я его не встречал среди местной татарской знати.
- Из далекого города Семипалатинска, что в Степном крае. Очень знатная особа, очень. Совершил паломничество в Мекку, побывал в Стамбуле, а теперь возвращается в родные края. Заказал мне целый список книг. Чем мог – помог.
- В Мекку?! Паломничество в святые места Мухаммеда – и трактаты Канта! Что-то не укладывается в моей голове, хотя я по матушке и татарин, – удивился Куприн.
- Я вам больше скажу. Господин Кудайбердыев к тому же еще и поэт, – продолжил словоохотливый Синани. – Он перевел на язык степных бедуинов стихи Пушкина. Был в переписке с Толстым.
- С Толстым?! Ну что же вы, батенька, Исаак Абрамович, не познакомили меня с ним? Я тоже хорош! Гусь чопорный. Экивоки. Соблюдение этикета. Да-а, оплошал. А где он остановился?
- Уж вы простите меня, Александр Иванович, – сокрушаясь, ответил Синани. – Подумал, что вы заняты «Русскими ведомостями». Уж вы увольте. А остановился он в двух шагах отсюда, на даче князя-султана генерала Джангирова, или, по-нашему, по-ялтински, – султана Чингисхана.
- Да, припоминаю...
- А строил эту дачу архитектор Лев Шаповалов. Да так искусно проектировал, что, когда Антон Павлович искал архитектора для постройки своей дачи, я без всяких сомнений посоветовал ему Шаповалова, и только его. Как видите, не ошибся...

- Да, оплошал. Пойду, пройдуся по набережной.
 - Уж вы меня увольте, Александр Иванович.
 - Да что там.
- Куприн открывает дверь и покидает «Русскую избушку».
Дверь медленно закрывается за ним.

* **

Дверь открывается.

Но эта дверь уже ведет нас в Дом-музей братьев Белослюдовых. Семипалатинск начала тридцатых годов.

Шакарим входит в Дом-музей братьев Белослюдовых.

Братья Белослюдовы были выдающимися просветителями в Семипалатинске. Собственный двухэтажный дом на Крепостной улице они превратили в настоящий краеведческий музей. Дом-музей братьев Белослюдовых, названный современниками «жемчужиной» среди провинциальных музеев России, удостоенный за выдающиеся успехи серебряной медали на первой выставке Сибири в Омске в 1913 году, привлекал внимание многих интеллигентов дореволюционного Семипалатинска. Особым уважением пользовался он у образованных казахов. Братья Белослюдовы увлекались не только собиранием исторических документов и экспонатов, они способствовали изданию материалов о жизни и культуре казахов. Виктор Белослюдов проиллюстрировал поэму «Казах» сосланного в Степной край польского поэта Густава Зелинского. Николай Белослюдов пропагандировал поэзию Абая Кунанбаева среди русских читателей.

О нем один из его учеников, всемирно известный писатель Мухтар Омарханович Ауэзов вспоминал впоследствии: «У всех своих учеников Николай Иванович оставил по себе светлую память. Он не ограничивался простым преподаванием. Своими беседами он будил мысль. Прогрессивность и гуманизм его воззрений и отношение к ученикам вызывали искреннее уважение».

В одной из небольших комнат музея сидит за столом Николай Иванович Белослюдов. Видно, что эта комнатенка – его обитель. Он ровесник Шакарима. Сухонький старичок с белой бородкой. В комнату входит Шакарим. Белослюдов пристально вглядывается в вошедшего сквозь пенсне.

– Голубчик, Шакарим Кудайбердыевич! Какими судьбами, дорогой? Откуда вы? Из аула?

– Страшно сказать, откуда, дорогой Николай Иванович. – Чувствуется, что Шакарима разволновали воспоминания по Ялте и по дореволюционному Семипалатинску, и он готов поддержать беседу со своим давним другом Белослюдовым.

– А что так? Что-либо произошло? – встревожился Белослюдов.

– Сейчас везде происходит одно и то же – голод. И особенно у нас, там, в Чингисских горах.

– Да, наслышан... Страшные картины рассказывают, – сокрушается Белослюдов. – И виновных нет. Поражаюсь! Если это происходит, значит, кто-то виноват?! Уму непостижимо. В городе намного легче, хотя и здесь пьем один только пустой чай. А в городе как оказались?

– Арестовали меня, Николай Иванович.

– А-а-ре-сто-ва-ли?! Ничего не понимаю, – развел руками Белослюдов. – Что-то я не вижу за вашей спиной конвоя. Да и за какие

такие проступки необходимо вас брать под стражу? Вас – рыцаря печального образа!

– Не стал помогать одному самодуру-уполномоченному, не захотел выполнять его приказ.

– А в чем вы должны были помочь?

– Уговорить аульчан, чтобы они не откочевывали в Китай.

– Та-а-ак. Ну что же, я вас понимаю, – задумчиво произнес Белослюдов. – Вы считаете, что им там было бы лучше?

– Не знаю, Николай Иванович. Знаю одно, что здесь оставаться – дальше некуда. Дети, старики мрут, теряют свой человеческий облик. Они и меня проклинали, что я не поехал с ними. – Шакарим вздохнул: – И здесь не понимают, и там отвергли.

– И чем же закончился ваш арест? Вижу, что вы вроде бы на свободе.

– Нашелся один умный человек. Их начальник. Побеседовал со мной и отпустил. Да еще коня дал на обратную дорогу. Сказал, чтобы я завтра утром зашел за конем. Моего Каракера этот горе-уполномоченный забрал себе, а меня приказал доставить в город на телеге, да еще с двумя конвоирами. – Шакарим вздохнул и, усмехнувшись, продолжил: – Никогда бы в жизни не подумал, что я, перешагнув возраст Мухаммеда, стану безлошадным.

– Ну, это дело поправимое, – махнул рукой Белослюдов. – Их начальник, говорите?

– Да, есть такой – Виктор Иванович Панов. На мой взгляд, очень хороший человек. Поверьте моему чутью – он из интеллигентной семьи. И сам образован, по моему разумению, по высшему рангу дореволюционной России. Не то что нынешние юнцы. 2-3 класса образования какой-нибудь церковно-приходской школы, а мнят себя знатоками культуры и управляют ею, словно бы кабацкой девкой. Ну, это к слову... Так вот, приносят однажды мне повестку – явиться туда-то, во столько-то. Ну, я думаю – все! Надел свой учительский мундир, оставшийся со времен Географического общества, и подумал – возьмут меня, ударят под микитки и отправят еще дальше в Сибирь. Его императорское величество отправило сюда, а гегемон, который пришел к власти, отправит еще дальше, ибо он не знает, чем тут дышит старый сухарь среди своих экспонатов. Однако нет. Прихожу на следующее утро. Волнение не выдаю. А после беседы оказалось, что мы – почти единомышленники. Виктор Иванович так и сказал: приобщайте представителей простого народа к культурному наследию родного края. Выписал мандат. Вот под этим мандатом и живу. И – приобщаю!

* **

Клуб приказчиков 1914-15 годов в Семипалатинске.

Небольшой, но уютный зал. В почетной ложе сидит генерал-губернатор Степного края со своей свитой. Рядом стоит Н.И.Белослюдов и дает пояснения генерал-губернатору.

На сцене звучит песня Гете – Лермонтова – Абая «Горные вершины».

Белослюдов, наклонившись, говорит генерал-губернатору:

– Это знаменитая песня странника, ваше сиятельство, Гете – Лермонтова. А переложил ее на язык местных кочевников Абай, в память о

котором наше Географическое общество с вашего позволения проводит данный вечер.

На сцену выходит Назипа Кулжанова, преподаватель Семипалатинской учительской семинарии, и объявляет:

– Александр Сергеевич Пушкин. «Письмо Татьяны». В переложении Абая, Ибрагима Кунанбаева.

Переждав паузу, начинает петь. Ей аккомпанирует русская женщина, сидя за роялем.

Белослюдов вновь наклоняется к генерал-губернатору:

– Абай не только перевел фрагменты «Евгения Онегина», он сделал им музыкальную интерпретацию. Как вы могли убедиться, ваше сиятельство, отличную от музыки Чайковского.

– Восхитительно!

В зрительном зале сидит весь бомонд семипалатинского общества. Среди них немало одетых по-европейски казахов. Среди многих присутствующих в зале лиц мы находим и Шакарима.

Белослюдов находит глазами Шакарима в зале и вновь наклоняется к генерал-губернатору:

– А вон, ваше сиятельство, сын старшего брата Абая, поэт и философ Шакарим Кудайбердыев. Он воспитывался у него. Недавно совершил паломничество в Мекку, но это не мешает ему быть членом нашего Географического общества. И, насколько мне известно, ваше сиятельство, много времени своего путешествия он потратил на посещения различных библиотек Стамбула, чтобы пополнить и систематизировать свои обширные знания. Перевел произведения Пушкина, Толстого, а также «Хижину дяди Тома» Гарриета Бичер-Стоу. Причем, ваше сиятельство, прозаическое повествование Александра Сергеевича «Дубровский» переложил стихами, чтоб было более понятно для степняков, ибо казахское сердце полно поэзии, а не прозы.

– Занятно, очень занятно, – произнес генерал-губернатор.

* **

Антракт.

Белослюдов подводит Шакарима к свите генерал-губернатора.

– Ваше превосходительство, имею честь представить члена Географического общества, поэта и философа господина Шакарима Кудайбердыева.

Шакарим, не теряя чувства собственного достоинства, наклоном головы предстал перед генерал-губернатором.

– Мое почтение!

– Скажите, милейший, что побудило вас переложить на язык ваших соплеменников такие произведения, как «Дубровский» и «Хижина дяди Тома»?

– Пример и подвижничество моего дяди и учителя Абая, ваше сиятельство.

– И только?

– Эти два произведения, ваше сиятельство, объединяют, на мой взгляд, два понятия, очень характерных для жизни моих соплеменников.

– И какие же эти понятия?

– Стремление к воле и свободе, ваше превосходительство.

Генерал-губернатор переглянулся со своей свитой. Хмыкнул и спросил:
– Интересно было бы знать, как вы сейчас относитесь к религии? Ведь вы, милейший, ездили поклониться Каабе, не так ли?

– Я хотел проследить жизнь Мухаммеда и познать места, откуда зародился ислам.

– Ну что ж, почитайте-ка нам одно из своих произведений. А господин Белослюдов перескажет содержание вами прочитанного.

Шакарим, выдержав паузу, начинает читать на казахском языке:

Смысл с себя я, смысл я с сердца грязь

невежества былого.

И от слов не отступаюсь, ученик я Льва Толстого.

Хоть безбожником объявлен,

но святош бессильно слово:

Всей душою возлюбил он справедливости дорогу.

Он – владелец дум глубоких –

кинул смелый вызов богу.

Лев Толстой – нет, не неверный, вы неверные святоши.

Лживы мысли и молитвы: если песни – то поплеше.

Да и сам, душою темен, как слепой, зари не видишь,

Жить невежественным в мире – тяжелее нету ноши.

Нет, не буду поклоняться ни Талмуду, ни Корану,

Жалкой жертвой духовенства,

жалкой жертвой мулл не стану.

Духовенство все не стоит и мизинца Льва Толстого,

Только жалкие отребья прибиваются к их стану.

* **

В октябре месяце 1931 года Шакарим покинул Семипалатинск. И по пути на свою зимовку был убит при невыясненных до сегодняшнего дня обстоятельствах, а тело семидесятитрехлетнего мудреца было заброшено в забытый колодец.

Мы не утверждаем, что именно Карасаев убил Шакарима, но то, что именно он отправил ложное донесение, что якобы бойцы ГПУ вступили в перестрелку с «главой бандитов» Шакаримом, в ходе которой Шакарим был убит, – это однозначно. И то, что именно Карасаев, украв многие стихи Шакарима, выдавал впоследствии их за свои, – это тоже верно, как и верно, что именно Карасаев всячески мешал вернуть доброе имя поэту, несмотря на то, что Шакарим был полностью реабилитирован в 1958 году.

«Прокуратура Союза Советских Социалистических Республик.

Москва. Центр. Пушкинская, 15. 29 октября 1958 года.

Сообщаю, что дело по обвинению Кудайбердыева Шакарима в 1958 году прекращено прокуратурой СССР за недоказанностью обвинения.

Прокурор отдела по надзору за следствием в органах Госбезопасности, советник юстиции В.Никонов».

Можно запретить публиковать поэта.

Но – стихи его будут жить в народе.

Можно выстрелом остановить биеание поэтического сердца.

Но – образы, рожденные им, найдут убежище в сердцах многочисленных читателей.

Можно, наконец, забросить тело убитого семидесятитрехлетнего мудреца в забытый колодец...

Но – люди, воспитанные его поэтическим духом, все равно найдут, опознают прах и похоронят рядом с великим Абаем.

Такова горечь вымысла и горькая правда степи.

Такова поэзия и проза реального мира.

Такова память народа.

Кану я, но будут жить мои стихи,
Молодые все запомнят до строки.
Кто-то с верой примет это, кто-то нет,
Нет, не всякому стихи мои близки.

Так ушедших обсуждаем мы порой,
Все плохое, наносимое молвой,
Отвергаем, чтобы память добрых дел
Не тускнела в стороне его родной.

После смерти отстоять я не смогу
Чувство жизни, что легло в мою строку.
Это мнение в своем сердце сохранив,
Вот что высказать хочу, пока я жив:

Не суди о человеке, не познав,
Не суди, в кругу его не побывав.
И над путником не смейся, тяжкий груз
На свои в дороге плечи не приняв.

Словно в лодке, что на море, – в те года...
Не забыть эпоху эту никогда.
Мое время не похоже на твое,
Если сядешь в эту лодку, что тогда?..

Сам отсек я пуповину, выбрал путь,
Тьму раздвинул, никуда мне не свернуть.
Так что полностью судьбу мою познай,
Верю, что поймешь меня когда-нибудь.